

С. Н. ИСКЮЛЬ

**Е.В. ТАРЛЕ: «НАПОЛЕОН»
И ОСТАЛЬНАЯ НАПОЛЕОНИКА**

Начало 1930-х годов было временем, когда решалась судьба Евгения Викторовича Тарле, временем ареста, временем, по его словам, «диких неистовств», временем ссылки, но временем и «возвращения», временем ожидания бесед одних нужных людей с другими, от которых «всё» зависело. Это было временем хотя и «полуопалы», но и «полуреабилитации», временем возврата к творчеству через рецензирование учебников и писание разного рода «мелких» работ.

Важную роль в этом «возвращении» сыграла большая статья – введение к впервые опубликованным по-русски мемуарам известного Шарля-Мориса де Талейрана-Перигора¹. Эти мемуары дали историку возможность (если до этого он их не читал в оригинале), с головой окунувшись в эпоху, получить о ней разностороннее представление не только о самом Талейране, но и об его окружении, о его современниках не только французского, но и европейского масштаба. Но статья Тарле о Талейране предваряет сам текст мемуаров дипломата после небольшого предисловия «От редактора». В нем историк обращает внимание читателя на использовавшийся принцем Беневентским особый «метод» мемуарного повествования, благодаря которому «беглым и глухим намеком» Талейран старается не только скрыть все то, что хочет скрыть, но более того старается привить читателю мысль о «полнейшей своей моральной непричастности» к каким-либо изменническим деяниям². Возможно, что, погружаясь во все эти мысленные хитросплетения, различными способами нагроможденные Талейраном в своих воспоминаниях, Тарле не мог не заинтересоваться личностью Наполеона, поскольку на протяжении долгого времени судьбы обоих, в том числе и тогда, например, в 1814–1815 гг.,

¹ Тарле Е. В. Талейран // *Талейран*. Мемуары. Старый режим. Великая революция, империя, Реставрация. М.; Л., 1934. С. 17–127.

² Тарле Е. В. От редактора // *Талейран*. Мемуары. Старый режим. Великая революция, империя, Реставрация. С. 6.

когда он якобы и не помышлял о чем-то противном, но всегда о «спасении отечества» оказывались связанными.

При этом, что весьма ценно в этой статье, так это то, что Тарле удается настолько постигнуть повествовательную «систему» мемуариста и уловить едва-едва уловимую, но характерную черту в его «почерке». Для него, как историка и биографа, не составляло особого труда отметить то главное, что составляет отличие этих мемуаров от всех прочих, а именно «отсутствие мстительности, происходящей от способности и склонности не столько ненавидеть, сколько презирать людей». Все это происходило еще и от того, по убеждению Тарле, что Талейран «*фамильярно* (курсив Тарле – *С.И.*) небрежен в своем повествовании и скуп на самостоятельный труд», переполняя свои мемуары официальными бумагами и посторонними «известиями», вообще не относившимися к тому или иному сюжету.

Любопытна приводимая Тарле в заключение своих рассуждений фраза Талейрана: «Тот, кто придал бы Его Величеству Императору Наполеону немножко лени (*un peu de paresse*), – был бы воистину самим благодетелем человечества». Вспоминается в связи с этим помещенный Тарле в свою книгу «Наполеон» такой штрих к биографии своего героя: «Однажды, <...> на его внезапный вопрос, как отнесутся люди к известию о его смерти, придворные льстецы стали расписывать будущую глубокую скорбь, а император насмешливо оборвал их и сказал, что Европа, испустив вздох облегчения, воскликнет: «Уф!»³. В разных сочинениях этот эпизод приводится по-разному, и он всегда воспринимается отнюдь не как псевдоисторический анекдот, а как событие, происходившее в реальности.

Высказывание, весьма характеризующее самого Талейрана, историк относит к тому времени, когда император был, казалось, сама каждодневная и неусыпная деятельность, не дававшая покоя тем, кто ему служил. Французская империя достигла уже своего расцвета, и его деятельность практически во многих областях внутренней и внешней политики охватывала вслед за ним едва ли не все стороны жизни французского, а с ним и европейского общества. Попутно не лишним будет заметить, что так Талейран заметил о человеке, который не раз мог его вполне заслуженно, так или иначе, растоптать, памятуя обо всех его изменах, но не сделал этого скорее только из брезгливости, ибо знал, что имеет дело с «дерьмом в шелку», как он один раз и в глаза (! – *С.И.*) назвал Талейрана. Но всякое упоминание в мемуарах об этом принц Беневентский опускает, как будто этого не было и в помине; более того, он не раз пишет о том, что всегда «любил Наполеона» и «пользовался его славой и ее отблесками, падавшими на тех, кто ему помогал в его благородном деле»⁴.

³ Тарле Е. Наполеон. М., 1942. С. 339.

⁴ Талейран. Указ. соч. С. 281.

На биографический выбор Е. В. Тарле повлияло и то, что в 1934 г. он заключил с издательством «Academia» договор об издании под собственной редакцией и с вступительной статьей «Памятных записей рассказов Наполеона на острове Св. Елены» Лас Каза (знаменитого «Мемориала Св. Елены») ⁵. Но, в отличие от «Мемуаров» Талейрана, этот проект не состоялся, несмотря на то, что перевод всего этого материала, выполненный С. А. Фейгиной и ее сестрой, был представлен в издательство, и Тарле с этим материалом так или иначе ознакомился. Так что для Тарле содержание этого проекта не могло не оказать влияния, когда он должен был сделать выбор в пользу обращения к биографии императора. Предположение более, чем вероятно, ибо если речь идет об издании полного текста «Mémoires», то туда должно было поместить не только описание жизни Наполеона на острове Св. Елены в 1815–1821 гг., но и его диктовки, и содержание его бесед с людьми из числа собственной свиты.

Но сам ли Тарле и по собственному ли выбору заинтересовался обоими проектами или оба в разное время были ему предложены теми, кто мог догадываться о его интересах, остается доселе неустановленным.

Как бы то ни было, но в середине 1930-х гг. Тарле заинтересовала возможность, отложив на время историко-экономические труды, попробовать свои силы в ином ключе, а именно в биографическом жанре, и этот интерес надолго перевесил все интересы в области, к примеру, истории складывания и функционирования Континентальной «системы». Тем не менее, Тарле и позднее включал в свои труды и главы, насыщенные, так сказать, политэкономическими сюжетами эпохи Консульства и Империи, обойтись без которых невозможно, настолько они взаимосвязаны и в этой связи важны для понимания исторической картины событий, спровоцированных британской политикой по отношению к «континенту».

Что касается «Наполеона», наиболее известного и читаемого доньше в России сочинения Е. В. Тарле, то обращение к большой теме Наполеона состоялось у историка тоже в середине 1930-х гг., а именно еще в марте 1935 г. Но, наученный горьким опытом, сам Тарле в начале августа того же года с немалым сомнением скептически писал на этот счет в письме жене: «Думаю, что на сей раз еще ничего не выйдет...» ⁶. Но на самом деле, все, как оказалось, вышло. 26 апреля 1936 г. заведующий редакцией «Жизнь замечательных людей» (далее – «ЖЗЛ») писатель Александр Николаевич Тихонов (Серебров) в письме А. М. Горькому сообщил о посылке ему «на днях» книги Тарле «Наполеон» и о том, что «работали мы

⁵ Каганович Б. С. Е. В. Тарле: Новые разыскания // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 295–298.

⁶ Цит. по Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб. 1995. С. 58.

над (sic! – *С.И.*) этим автором четыре месяца»⁷. Т.е. речь в письме шла о том, что приблизительно к середине января 1936 г. авторская работа над книгой была завершена, и четыре последующие месяца шла редакторская работа уже вместе с Тарле. Заметим «в скобках»: странно, что после 4-х месяцев работы с Тарле А. Н. Тихонов упоминает в том же письме, что книга, по его мнению, интересная, «но очень опять (? – *С.И.*) раскованная»⁸. Что подразумевал заведующий редакцией под «опять» и «раскованная», тем более, что «Наполеон» Тарле была первой его книгой в этой серии, непонятно. Горькому же «на днях» он посылал, собственно говоря, не книгу, а окончательно отделанную рукопись или корректуру.

Книга с самого начала планировалась как популярная биография, и Тарле начал писать ее по заказу биографической серии, основанной А. М. Горьким. Предположительно, интерес к написанию книги был вызван у автора не только ее тематикой, но и тем, что заказ предполагал авторский гонорар, который для Тарле в то время мог быть весьма кстати.

Итак, «Наполеон» Е. В. Тарле был подготовлен, отредактирован и вышел наконец из печати, при этом книга была, как оказалось, вообще последней, которую читал писатель. По отзывам близких к Горькому лиц, она ему понравилась. Книгу выпустили в свет в начале лета 1936 г. в Журнально-Газетном объединении (Москва) тиражом 40000 экземпляров.

На обороте титульного листа этого издания 1936 г. значится, что книга выходит под редакцией Карла Бернгардовича Радека, еще некоторое время назад бывшего членом ЦК ВКП (б), заведующего бюро международной информации при Отделе культуры и пропаганды и члена Комиссии по подготовке новой Конституции СССР, тогда уже вторично (!) даже не члена ВКП (б), а 21 сентября 1936 г. арестованного и судимого. Известно, что Тарле встречался с Радеком и общался с ним, но в какой мере он следовал редакционным замечаниям Радека, следовал ли он им вообще и была ли в действительности его редактура книги Тарле, сказать трудно, если не невозможно. Впрочем, вскоре факт знакомства и общения с Радеком едва не сыграл в судьбе историка весьма негативную роль.

Знаменательно, что тогда же, летом-осенью 1936 г., газета «Известия» опубликовала серию статей Е. В. Тарле о новой советской конституции под названием «Исторические параллели»⁹, что могло означать, что со временем можно было ожидать лучших перемен в жизни историка, но тому предшествовали иные события. Впрочем, тогда Тарле уже получил возможность публиковать свои научные труды, чего ранее был лишен. Весной же следующего года по постановлению Президиума ВЦИК (17 марта 1937 г.) с Тарле была снята судимость, и в том же году он был

⁷ Чапкевич Е. И. Страницы биографии академика Е. В. Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 47.

⁸ Там же.

⁹ Известия. 1936. 23 июня, 12 августа и 15 сентября.

принят на работу старшим научным сотрудником в Ленинградском отделе Института истории АН СССР. Но 10 июня того же года в двух газетах – органах центральной партийной печати – одновременно появились «разгромные» статьи-рецензии о «Наполеоне» Тарле, которые иначе как «прелюдией к аресту»¹⁰ и не назовешь, но благодаря вовремя, вернее, тотчас же принятым мерам впечатление от этой стряпни, изобиловавшей такими эпитетами, как «вражеская вылазка» или «контрреволюционный публицист», удалось смягчить уже на следующий день в появившихся там же редакционных опровержениях, принятых по прямому указанию свыше.

По мнению авторов упомянутых редакционных опровержений, несмотря на то, что книга Тарле «по сравнению с работами других буржуазных историков является, безусловно, одной из лучших...», она, тем не менее, содержит «ряд существенных ошибок. Это, однако, не давало никаких оснований <...> называть проф. Тарле фальсификатором истории и связывать его имя с именем редактора его книги...»¹¹. Любопытно, каких именно «существенных ошибок»? Составители обоих газетных опровержений на таковые не указали, а сам Тарле едва ли посчитал возможным потребовать от них каких бы то ни было разъяснений на этот счет. Такое мнение могло возникнуть у него потому, что в опровержениях книга Е. В. Тарле «по сравнению с работами других буржуазных историков» была названа «одной из лучших», так что в этом контексте положительная оценка «Наполеона» соседствовала с тем, что он назван «буржуазным историком», как с некоторых пор он продолжал считаться «не марксистом».

Итак, «Наполеон» и Е. В. Тарле были «спасены», и более того, от автора не потребовалось снять или переписать некоторые из формулировок в отдельных главах своей книги или же дать иное объяснение поступков своего героя в тех или иных его жизненных обстоятельствах. А ведь это могло иметь место, особенно применительно как к введению, так и в равной степени к заключению, т.е. там, где Тарле дает свои сдержанные, спокойные и вместе с тем стройные и глубокие характеристики.

Между тем во введении Тарле Наполеон – «одно из удивительнейших явлений мировой истории...»¹², и, как он пишет в заключении: «...В памяти человечества навсегда остался гигантский образ, который в психологии одним перекликался с образами Аттилы, Тамерлана и Чингиз-хана, в душе других – с тенями Александра Македонского и Юлия Цезаря, но который, по мере роста исторических исследований, все более и более выясняется в неповторимом своеобразии и поразительной индивидуальной сложности»¹³.

¹⁰ Каганович Б. С. Указ. соч. С. 186.

¹¹ Цит. по: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле... С. 187.

¹² Тарле Е. В. Наполеон. М., 1936. С. 7.

¹³ Там же. С. 599.

Характеризуя своего героя, Тарле приводит известное высказывание Наполеона в разговоре с графом де Лас Казом на острове Св. Елены «Какой роман моя жизнь!»¹⁴. Это почерпнуто историком из «Мемориала Св. Елены», который он просматривал в 1936 г. как редактор. Впрочем, если согласиться с тем, что «le roman» следует перевести не так, как приведено у Тарле (сестер Фейгин), а иначе, ближе к смыслу подлинника: «Вся моя жизнь – воистину невероятное приключение!»

От первого до последнего прижизненного издания своего «Наполеона» Тарле считает: «отрицать очевидный и безусловный факт, что страшный разгром феодально-абсолютистской Европы Наполеоном имел положительное, прогрессивное историческое значение, было бы неправильно, недостойно сколько-нибудь серьезного ученого». Более того, «Наполеон нанес феодализму такие непоправимые удары, от которых он уже никогда оправиться не мог, и в этом прогрессивное значение исторической эпопеи, связанной с его именем»¹⁵.

Тарле ставил «своей основной целью дать возможно отчетливую картину жизни и деятельности первого французского императора, его характеристику как человека, как исторического деятеля, с его свойствами, природными данными и устремлениями»¹⁶. «Свершитель роковой безвестного веленья» истории, – пользуясь словами Пушкина, писал Тарле, – Наполеон интересовал меня тут именно с точки зрения того, как выполнил он свою огромную историческую роль»¹⁷.

В серии «ЖЗЛ» книги выходили и выходят до сих пор, как правило, без ссылок на источники. В таком же ключе выполнена и книга Тарле. Поэтому представление о том, какими сочинениями французских коллег пользовался Тарле, не возникает, в том числе и современных Тарле книг историков. В этом случае возможны лишь отдельные догадки. Но, если этот «Наполеон» и был сочинением научно-популярным, то о последующих изданиях этого сказать уже ни в коем случае нельзя. Впрочем, и сам Е.В. Тарле вообще не склонен был считать своего «Наполеона» книгой научно-популярной. «Эта книга представляет собой не популяризацию, – писал он во вступлении к изданию 1941 г., – а результат самостоятельного исследования, сжатую сводку тех выводов, к которым автор пришел после изучения как архивных, так и изданных материалов»¹⁸. Однако «популяризация» в этой книге Тарле все-таки присутствует, – ее выдает облегченное и свободное событийное изложение, а также весьма редкое и предметное обращение к документам; отдельные, весьма немногочисленные ссылки на архивы присутствуют и воспринимаются как несисте-

¹⁴ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936. С. 596.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 11–12.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1941. С. 7.

матические и отчасти случайные. Кроме того, отметим, что в ссылках на литературу решительно преобладают ссылки на классиков марксизма, что у тогдашнего Тарле представляется вполне естественным, но не «уравновешивается» ссылками на исторические труды в первую очередь французских историков.

Характеризуя своего героя с молодых лет, Тарле указывает на его рано сложившуюся и исключительную целеустремленность, на то, что он всегда трудился, что называется, на износ, и если по видимости не трудился, то обдумывал и взвешивал, что собирался предпринять.

Как весьма положительный факт Тарле отмечает у молодого Наполеона настоятельную потребность в чтении. Он был прилежным читателем, всегда читал много, быстро и столь же быстро запоминал прочитанное, но редко прочитывал интересовавшую его книгу целиком. Он был, что называется, ищущим читателем, и когда интерес к сюжету у него ослабевал, то переключался на поиск удачных выражений и перлов авторской мысли. Многие случаи, о которых упоминают мемуаристы, свидетельствуют о том, что Наполеон читал и перечитывал те или иные сочинения, как по нескольку раз пересматривал некоторые пьесы.

Здесь, на мой взгляд, следовало сказать, что и библиотека, и книга были для Наполеона тем, без чего он просто не мыслил своего существования. Известно, что в библиотеке его отца были исторические сочинения, и некоторые Наполеон привез с собой во Францию, когда собирался учиться в Бриенне и Париже. Известно, что его часто видели в училищных библиотеках за чтением и выписками, в том числе и по ночам. Проживая поручиком в Валансе в доме, на первом этаже которого жил антиквар, Бонапарт регулярно пользовался книгами, которые находил у него на книжных полках. Впоследствии придворные или члены его семьи нередко заставляли его за чтением, даже после вторичного отречения, как Гортензия герцогиня де Сен-Лё, падчерица Наполеона, 22 июня 1815 г.

Тарле подчеркивает, что Наполеон при любых обстоятельствах сохранял полное внешнее спокойствие и владение собой – это касается и повседневности, это касается и личного участия в целом ряде государственных актов, а также в тех многочисленных сражениях, которые ему довелось дать; характерно, что только тогда, когда он умер, стало известно о нескольких ранениях, о которых до этого никто не знал. Он скрыл их, ибо знал, что это могло смутить и на время вывести из равновесия солдат. Тарле упоминает об этом в заключение своей книги.

Тарле, и это в любом случае надо признать, написал своего рода классическую биографию и по объему, и по содержанию. В отдельных случаях автор не скрывает своего восхищения Наполеоном, но каждый раз в своих оценках историк озабочен тем, чтобы дать понять читателю, что в каждом отдельном случае он строго судит своего героя, его прошлые, настоящие и даже будущие деяния. Более того, у Тарле едва ли не каждый

факт в деяниях Наполеона, который вызывает читательское восхищение или сходные чувства, сопровождается фактами, снижающими это впечатление. Этим приемом историк пользуется не иначе как исключительно для того, чтобы обезопасить себя от обвинений в личных пристрастиях по отношению к своему герою. С этой же целью некоторые факты по ходу дела Тарле сознательно обходит стороной, например то, что при подавлении роялистского мятежа в 1795 г., когда Бонапарт, опередив врагов Конвента, сумел собрать оказавшуюся в наличии артиллерию, то только при первом залпе он распорядился заряжать пушки картечью, все последующие случаи его пушки заряжались холостыми зарядами. Тарле сообщает о факте расстрела турецких военнопленных в Египте, но при этом не раскрывает всех важных обстоятельств, связанных с этим. Он порою пишет о том, что Наполеон, как правило, объезжал то или иное поле выигранной битвы, например, сражения при Аустерлице, но не указывает, почему он делал это. Историк не пишет о том, что, выигрывая очередное сражение, Наполеон в целом ряде случаев не дожидается, пока разбитый неприятель обратится к нему с предложением об открытии мирных переговоров, а делает это сам. Так что напрашивается вопрос: почему? Тарле ни словом не упоминает, например, о том, почему при подготовке к взрыву стен Московского Кремля на всех кремлевских воротах были помещены предупредительные надписи на двух языках, по-русски и по-французски, иначе историку пришлось бы объяснить, зачем это делалось.

Конечно, в книге Е.В. Тарле русского читателя всегда интересовало, каким предстает герой историка в тех главах книги, где речь заходит о военных походах и столкновениях во время коалиционных войн или в эпоху войны в России. Приходится констатировать, что в этом отношении прижизненные издания мало чем отличаются друг от друга. Отношение автора к своему герою, если и меняется, то лишь уточнением отдельных определений или смягчением тех иных выражений. Серьезным, а в некоторых случаях и более разительным образом меняются характеристики военачальников, противостоявших Наполеону. Нельзя не отметить то, что сближает здесь авторские точки зрения: в первом издании «Наполеона» Е.В. Тарле был более свободен в своих суждениях и о характерах, и о поступках тех, кто противостоял Наполеону в России.¹⁹

Нельзя не отметить как весьма положительный факт то, что, начиная с этого издания, к основному тексту «Наполеона» историк приложил небольшую статью под названием «О наполеоновской историографии», куда поместил избранные исторические исследования в основном французских авторов, вышедших до начала 50-х годов XX в. Более чем вероятно, что среди тех французских авторов, что значатся в этой статье Тарле и в последующей затем избранной библиографии представлены те авторы и те книги, которые историк использовал в своем «Наполеоне».

¹⁹ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 190–192.

Так что вполне возможно, что Тарле, следуя законам жанра, в ряде случаев исходил из того впечатления, которое возникло у него при чтении серьезных исследователей наполеоновской эпохи. Некоторых из них Тарле упоминает в своей книге, как, например, выдающегося наполеониста Луи Мадлена, который и сам в ряде своих книг не связывал себя обязанностью указывать ссылки на документы и литературу. Почти наверняка Тарле читал и делал выписки из мадленовского «Наполеона»²⁰ и из отдельных томов его «Истории Консульства и Империи»²¹. Почти наверняка Тарле использовал нарратив отдельных томов капитального исследования швейцарца Фридриха Кирхейзена²² тем более что это сочинение издавалось и по-французски (Paris, 1934). Едва ли Тарле не использовал хорошо ему знакомое сочинения французского Адольфа Тьера,²³ много сделавшего для научного осмысления документальных текстов эпохи, в том числе и принадлежащих перу самого Наполеона. Вполне возможно также, что Тарле не прошел мимо столь же насыщенного тонкими наблюдениями сочинения историка Эдуара Дрио об эпохе Тильзита²⁴, а также и другого сочинения, посвященного апогею Первой Империи²⁵. Это тем более возможно, что с французским историком Тарле был знаком со времени своих научных изысканий в архивах и библиотеках. Сюда же следует отнести и книгу другого французского историка, исследования, построенного не только на систематическом изучении тогдашней публицистики, но и с привлечением неизвестных документов мемуарного характера²⁶. Возможно, что и сочинения Анри Уссэя, автора нескольких крупных сочинений, хронологически следующих одно за другим – от Первой реставрации Бурбонов до второго отречения императора²⁷, также были использованы Тарле в заключительных главах «Наполеона».

Создается впечатление, что историк был воодушевлен этим успехом, который последующие годы позволил ему не выпускать эту тему из поля зрения, как удачный опыт, постоянно по разному поводу и своеобразно дописывая, но, серьезно не переписывая книгу от издания к изданию.

²⁰ Madelin L. Napoléon. Paris: Hachette. 1935.

²¹ Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris: Hachette. 1937–1954. Vol. 1–16.

²² Kircheisen F. Napoleon I, sein Leben und seine Zeit. Mit Abbildungen, Faksimilien, Karten und Plänen. München–Leipzig, 1911–1934. Bd. 1–9. Русский перевод первого тома книги был выполнен М.П. Гадишем и издан еще до Первой мировой войны (М., «Современные проблемы». 1913), остальные остались непереверденными. Автором предисловия к первому тому «Наполеона» Ф. Кирхейзена выступил известный российский историк А. К. Дживелегов.

²³ Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire passant suite à l'Histoire de la Révolution Française. Paris: Paulun, libraire-éditeur. 1856. T. XXXV.

²⁴ Driault E. Napoléon et Europe: Tilsitt, France et Russie sous le Premier Empire, la question de Pologne (1806–1809). Paris, 1917.

²⁵ Driault E. Napoléon et Europe: Le grand Empire (1809–1812). Paris, 1924.

²⁶ Lacour-Gayet G. Napoléon, sa vie, son oeuvre, son temps. Paris: Hachette. 1921.

²⁷ Houssaye H. La Première Restauration. Le retour de l'île d'Elbe. Les Cent jours. Waterloo. La seconde abdication. La terreur blanche. Paris, 1895–1905.

При жизни Тарле «Наполеон» переиздавался пять раз, в 1939 г. дважды, в 1940, в 1941 и 1942 гг., каждый год в разных издательствах.

Но, полагаю, отнюдь не случайно, «на пике» Наполеона еще в 1936 г., Тарле вновь обращается к Талейрану, при этом работа была весьма плодотворной, поскольку позволила существенно расширить это биографическое повествование за счет включения в него ранее не получивших освещения фактов жизни дипломата, но кроме этого и привлечение новых источников. Полагаю, что и статья, и мемуары Талейрана, отредактированные Тарле²⁸, были тем, от чего он постоянно отталкивался при написании биографии дипломата, вышедшей в 1939 г. также в серии «ЖЗЛ», но отчасти вразрез с установившейся традицией поместил туда немало ссылок на труды французских коллег, на публикации воспоминаний и сохранившуюся корреспонденцию²⁹; занявшись изучением взаимоотношений императора и его министра до и после отставки Талейрана, Тарле посчитал необходимым обратиться к документальным свидетельствам этих отношений. Но при подготовке своей книги Тарле использовал не только исторические труды своих предшественников, такие как собранные в книге Жерара Лакура-Гайе богатейшие документальные материалы³⁰ и сочинение Эмиля Дара³¹, но и, что весьма ценно, и документы из российских архивов. До нас дошло упоминание об этом в письме Тарле к А. Д. Люблинской от 11 декабря 1946 г., где академик пишет о том, что работает в Архиве внешней политики России на Серпуховской улице, разбирая «курячий почерк» Талейрана в письмах Александру I и канцлеру Н. П. Румянцеву³².

На новые архивные источники о Талейране обратил свое внимание Жак Годшо в рецензии на книгу Тарле, вышедшую по-французски в 1958 г. в переводе Жана Шампенуа³³. По его словам, «биография Талейрана, написанная Тарле, ничем по существу не отличается от биографии, которую мог бы написать добросовестный историк из любой другой страны». Отметив, что основой его биографии Талейрана составляют четыре тома Ж. Лакура-Гайе и других известных французских исследователей, Годшо пишет, что Тарле работал в российских архивах и обнаружил там документы, неизвестные его предшественникам, что «придает особую ценность его биографии»³⁴.

Историк шаг за шагом дает очерк описания жизни своего героя, оставившаяся на его государственной деятельности и частной жизни, на

²⁸ Тарле Е. В. Талейран // Талейран. Мемуары. Указ. соч. Е. Тарле. М.; Л., 1934. С. 17–127.

²⁹ Тарле Е. В. Талейран. ЖЗЛ. М., 1939.

³⁰ Lacour-Gayet G. Talleyrand. Paris. 1930–1934. Т. 1–4.

³¹ Dard E. Napoléon et Talleyrand. Paris: Plon. 1935.

³² Каганович Б. С. Указ. соч. С. 220.

³³ Tarlé E. Talleyrand. Moscou: Edition en langues étrangères. 1958.

³⁴ Annales historiques de la Révolution Française. 1961. N 163. P. 136.

всех его достойных порицания поступках, начиная с того, когда накануне Египетской экспедиции генерала Бонапарта он клятвенно обещал ему исполнить его просьбу. Просьба же состояла в том, чтобы Талейран инициативно занял пост французского посла в Константинополе и оттуда способствовал бы успешному осуществлению плана экспедиции в Египет, находившийся тогда под властью Турции. Речь шла о том, чтобы, находясь в Константинополе, Талейран постарался сохранить франко-турецкие отношения на должном благоприятном уровне. Талейран же обещания, данные Бонапарту так и не выполнил, более того, через некоторое время, в июле 1799 г., подал в отставку, ибо в Директории назревал правительственный кризис и Талейран не хотел, чтобы ее политика ассоциировалась с его, Талейрана именем. Это было первое его по отношению к Наполеону предательство, но далеко не последнее³⁵.

Автор по-своему прав, когда далее пишет о Талейране как о навсегда пронизательном умном и циничном политике, служившем тем, с кем сталкивалась судьба, но при случае со временем и предававшим их тем, кто казался более заинтересованным в получении от Талейрана, как бы сейчас сказали, «полезной информации». Читателю порою нелегко разобраться в ситуации, разворачивающейся перед ним под пером Тарле, ибо историк, как мастер «исторической живописи», отчасти преувеличивает степень пронизательности и всегдашней готовности своего героя перейти из одного лагеря в другой. Может быть, просто Талейран умел «разговаривать» кого надо и слушать тех, кто оказывался рядом? Или умел оказаться нужным по мнению тех, кто был занят поисками инструмента для решения того или иного вопроса?

«Подумайте о способе почаще видеть императора Александра, – сказал ему Наполеон перед отъездом в Эрфурт. – Вы хорошо его знаете и сумеете с ним говорить тем языком, который ему, без сомнения, придется по нраву. Вы скажете ему, что польза, которую наш союз может принести человечеству, свидетельствует об участии в нем самого Провидения».

Но в Эрфурте Талейрана к участию в таких встречах в салоне принцессы Терезии-Матильды фон Турн-унд-Таксис, состоявшей в родстве с Российским Императорским домом, поощрял и немалый собственный интерес; он предугадывал, что для российского императора то, что он намерен доверительно ему сообщить, явится немалым и неожиданным откровением. Именно там прозвучала обращенная к Александру I фраза Талейрана: «Государь, для чего вы сюда приехали? Вы должны спасти Европу, и в этом вас ожидает успех, если вы окажете сопротивление Наполеону. Ведь французский народ вполне усвоил утонченные нравы, французский же государь – нет; российский же государь просвещен и образован, чего

³⁵ Тарле Е. В. Талейран. С. 68.

о русском народе сказать нельзя; а посему государь российский должен быть союзником французского народа»³⁶.

Фразу эту в мемуарах Талейрана искать нет никакого смысла, но она попала в мемуары К. фон Меттерниха, так же, как и подробности этой встречи, но за этим свиданием последовали другие, а значит, Наполеон об этой фразе так и не узнал. Талейран сильно рисковал – то, что было им произнесено, могло быть квалифицировано как государственная измена, и если бы Александр I не на словах, а на деле был союзником Наполеона, принц Беневентский был бы тотчас же арестован и отправлен, например, в Венсенн, замок близ Парижа, который тогда использовался как тюрьма.

С тех пор согласие между Талейраном и российским императором на переговорах в Эрфурте приводило к тому, что к очередной встрече с Наполеоном Александр I приходил уже обо всем осведомленным, а это было причиной того, что он, не раз «проигрывая» полученную информацию, мог с успехом уклоняться от любых предложений союзника.

Бесспорно, Эрфурт был успехом Ш.-М. де Талейрана, который положил начало завязыванию прочных и регулярных контактов с Петербургом. Здесь он с самого начала проявил себя как инициатор. Посредником же в этих отношениях выступал советник российского посольства в Париже граф К.В. Нессельроде. В письмах будущего министра иностранных дел России к статс-секретарю М.М. Сперанскому, доверенному лицу Александра I, Талейран именовался «мой кузен Анри», «Анна Ивановна», «наш книгопродавец» или «юрисконсульт». Минюта графа Н.П. Румянцева, канцлера Империи и министра иностранных дел, Нессельроде, таким образом, ставил Александра I в известность обо всех заслуживающих внимания фактах политико-дипломатического свойства, не забывая при этом сослаться на особое мнение известной государю «Анны Ивановны» или, к примеру, «красавца Леандра»³⁷.

Так, под несколькими псевдонимами для разных случаев обозначался принц Беневентский в секретной переписке между Нессельроде и Петербургом, платный соглядатай («в пользу и за счет императора Александра I») при французском дворе. Как пишет Е.В. Тарле, «если чужая душа – потемки, то душа Талейрана – совершенно непроницаемая мгла. Наполеон со временем вполне убедился в этом, но слишком для себя поздно»³⁸. Таков в заключении один из последних выводов Тарле в своей биографии Талейрана – этого «виртуоза дипломатического искусства»³⁹.

Тарле был прав, когда писал, что «в дипломатическом искусстве Наполеон не только не уступал Талейрану, но кое в чем превосходил его, и хотя

³⁶ Тарле Е. В. Талейран. Отв. ред. А. С. Иерусалимский. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1962. С. 88.

³⁷ Там же. С. 88–89.

³⁸ Там же. С. 95.

³⁹ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1942. С. 90.

тот был высокоталантливым министром иностранных дел, но все-таки руководящие мысли давал Талейрану он, важные переговоры вел сам, а Талейран подавал советы, писал дипломатические ноты и вырабатывал тактические приемы, необходимые для достижения намеченного»⁴⁰. Пример тому Тильзитский мир, где Наполеон вообще заслони́л собой министра, предпочитая лично вести дела, не поручая их никому.

Подчеркивая это в своем «Наполеоне», Тарле считает, что одним из самых крупных дипломатических достижений Наполеона является, бесспорно, «полный переворот, произведенный им в русской политике». Собразно с тем, что было продиктовано требованиями необходимости в том или ином случае Первым Консулом и Императором французов, ему «приходилось сразу и круто перестраивать все свои дипломатические батареи», а «Наполеон умел маневрировать и в этом вопросе так же быстро и искусно, как маневрировал с артиллерийскими батареями»⁴¹.

Все это нашло отражение и при редактировании коллективной монографии «Истории дипломатии», что осуществлялось комиссией в составе партийных деятелей и историков. В томе 1, вышедшем в 1941 г., Тарле принадлежало около трети всего текста, где ему поручили редакцию глав «Европейские дипломатические отношения при Наполеоне» и др., преисполненных внешнеполитическими событиями, знакомых автору по работе над «Наполеоном»⁴². Тем самым Е. В. Тарле внес свой вклад в формирование официальной концепции истории дипломатии, изложенной в «Истории дипломатии» под редакцией академика В. П. Потемкина, что было отмечено Сталинской премией I степени (1942).

Тарле довелось участвовать и во втором издании «Истории дипломатии» под редакцией В. А. Зорина и др., том 1 которой был опубликован уже после смерти историка. Последнее отчасти объясняет то, что в издание были внесены «некоторые исправления и дополнения в главы Е. В. Тарле», что было выполнено А. Л. Нарочницким, сотрудником Института российской истории АН СССР, к тому времени уже ответственным редактором издания «Внешняя политика России XIX – начала XX в. ...»⁴³. Более того, глава «Дипломатические отношения в годы консульства и империи» для этого издания была написана С. Б. Каном.

Возвращаясь к «Наполеону» Е. В. Тарле, отметим, что его успех представляется тем более впечатляющим, если иметь в виду, что возникший в ту пору интерес к Наполеону и «Наполеону», с тех пор повсеместно поддерживался. Характерным представляется, что книгу не только читали и дарили, но и советовали прочесть. Книгой заинтересовалось даже

⁴⁰ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1942. С. 90.

⁴¹ Там же. С. 92.

⁴² История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 360–517.

⁴³ История дипломатии. Изд. 2, перераб. и дополн. М., Гос. издат. пол. лит.-ры. 1959. Т. 1. С. 4.

«Издательство детской литературы», которое выпустило ее под грифом «Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского союза Молодежи» (М.–Л., 1940). Книга вышла с оригинальными иллюстрациями, подбором которых занимался И. Л. Андроников; последнее не столь уж важно, как то, что в ней по соображениям редакции опущено «Вступление» из издания 1936 г.

В 1940 г. книга Тарле вышла в Государственном Военном издательстве Наркомата Обороны, а в аннотации к «Наполеону» говорилось: «Расчитана книга на командный и начальствующий состав РККА и подготовленного в военном отношении читателя из гражданского населения».

Изданию же 1941 г. книги «Наполеон», подписанной к печати 9 мая, было предпослано «Вступление», которое начинается знакомой авторской характеристикой героя повествования, представляющего собой «одно из удивительнейших явлений мировой истории», и далее автор называет Наполеона, как мы знаем, «необыкновенным человеком», указывая «на положительное, прогрессивное значение» отдельных сторон его деятельности в масштабах Европы⁴⁴. Однако остальное содержание «Вступления» у Тарле, отчасти, вероятно, помимо воли автора, дает иное представление о «громдном человеке», в котором превалируют самовластие, подавление, угнетение и прочие нелицеприятные характеристики. Возможно, здесь сказалось то обстоятельство, что автор в то время еще не изжил в себе предчувствие столкновения в ближайшем будущем с новой серьезной критикой его сочинения и заранее сгущал краски, характеризуя своего героя на почве государственной политики.

Отметим как весьма важный сопутствующий факт, что «Наполеон» уже в издании 1942 г., подписанном к печати в начале сентября месяца, вновь открывается «Введением», но на этот раз авторски актуальным предисловием, где Тарле уверенно расставляет акценты в резкой и неприемлимой критике современной ему нацистской «публицистики», изощрявшей перья в разного рода «сближениях», где угадывалось стремление «покуситься» поставить, как писал Тарле, рядом «фюрера» и героя его книги. Конечно, он мог написать об этом в предыдущих изданиях или еще год назад, но тогдашний «Наполеон» готовился в ту пору, когда между СССР и Германией еще существовал пресловутый пакт о ненападении, и историк не мог написать о своем не иначе как отрицательном отношении к переносу после аншлюса праха герцога Рейхштадтского в парижский Дом Инвалидов, поскольку упоминание об этом было бы расценено как «неактуальное». К новому же изданию «Наполеона», когда война между Советской Россией и нацистской Германией уже шла в полную силу как воистину война Отечественная, Тарле написал «Введение» как всегда с блеском, но и с беспощадным суждением об «умственной ограниченно-

⁴⁴ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1941. С. 3, 6.

сти» тех, «кому в голову не приходит мысль о громадной разнице в исторической обстановке» начала XIX и 30–40-х гг. XX в. Тем самым историк выразил простую мысль о том, что сравнивать неподдающееся сравнению между теми, кого пыталась сравнивать германская нацистская пропаганда, просто невозможно, и это оказалось весьма и весьма кстати.

Конечно, в этом случае он не мог не воспользоваться случаем, чтобы «сравнить отношение к русской истории Наполеона с отношением к ней со стороны заправил гнусной гитлеровской банды». С этой целью Тарле поместил в свое введение то, что до него на русском языке не публиковалось, а именно содержание беседы Наполеона в Кремле с графом Луи-Мари де Нарбонном-Лара 15 октября 1812 г. Дивизионный генерал, адъютант и конфиденгент императора записал в своих воспоминаниях о пребывании в Москве высказывания Наполеона о Петре I: «Я вне себя от восхищения, – передавал Нарбонн слова императора, – когда только подумаю, что в этом самом дворце Петр тогда лет 20-ти от роду, без каких-либо советов извне, без всякого почти образования, перед властолюбивейшей из правительниц и всесильной партией старины, возымел и вмиг начертал план собственного своего царствования, захватил власть и, помышляя сделать Россию победоносной и покоряющей, начал с уничтожения стрелецкого войска <...> Какой же пример являет для нас добронравственная сия автократия!» Но особенно Наполеона восхищало то, что «рожденный на троне» Петр по собственному желанию в постижении жизненных трудностей решил пройти самому через все испытания и «добровольно сделался таким же артиллерийским прапорщиком, каким был и я!» – воскликнул император, – «...и подобный человек на берегах Прута во главе созданной им армии дал турецкому войску окружить себя! <...> Ведь это все равно как сам Юлий Цезарь был осажден в Александрии египтянами!»⁴⁵.

Конечно, здесь угадывается «История Российской империи в царствование Петра Великого» Вольтера, которую Наполеон читал и предполагал поместить в свою походную библиотеку с тем, чтобы она всегда была под рукой. Но император и так помнил многие страницы этой книги наизусть, а Тарле далее подчеркивает, что «показательней всего тут ничуть не скрываемое полное восхищение Наполеона тем, что остановило на себе его внимание в истории великого русского народа»⁴⁶.

Замечательно, что «Введение», о котором мы говорим, публиковалось в полном или сокращенном виде в последующих изданиях «Наполеона».

Годы 1938–1939 ознаменовались для Е. В. Тарле выходом в свет восьмитомного издания «Истории XIX века», заключительной части вышедшей во Франции с 1892 г. 12-томного издания под редакцией профессоров Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо. Тарле выступил в этом издании

⁴⁵ *Narbonne L.-M.* de. *Séjour à Moscou // Villemain A.-F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature.* Paris, 1854. P. 227–228.

⁴⁶ *Тарле Е. В.* Наполеон. М.: ОГИЗ. 1942. С. 11.

как автор большой статьи к первому тому⁴⁷ и как автор многочисленных редакционных примечаний практически ко всем остальным томам. Характерно, что статья Тарле сначала была опубликована в журнале ЦК ВКП (б), а уж потом увидела свет в первом томе «Истории XIX века».

По-видимому, статья далась Тарле не без труда, ибо те, кто поручил историку этот нелегкий труд, усматривали его задачу в том, чтобы преподнести XIX в. и его историю как время формирования рабочего класса, «прогрессивной исторической силы нашей современности», что отразилось в «научном творчестве Маркса и Энгельса» как эпоха, когда Россия играла в немалой степени державную роль в мировой политике⁴⁸. К тому, что от него требовалось, Тарле присоединяет как достоинство обоих французов-редакторов тесную связанность на протяжении всех томов «XIX века» между внутренней и внешней политикой, включая, разумеется, и насыщенную событиями эпоху Наполеона, а также стремление избежать упрека в национальных пристрастиях. Собственно говоря, это было третье издание на русском языке. Первое вышло еще в 1911–1912 гг. с приложением статей П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева, второе в Москве, в 1937 г., начало выходить стереотипно по первому изданию, однако вышел только том 1, после чего издание было прекращено. Но, помимо этого, первое (второе) издание отличалось от первого еще и тем, что в нем был помещен научный комментарий, порученный только что, 25 апреля 1938 г., восстановленному в звании академика Е. В. Тарле.

В первом томе «Истории XIX века», где основные разделы принадлежат перу таких известных французских ученых как А. Олар, А. Вандаль, Э. Шенон, А. Пенго и других, редакторская правка Е. В. Тарле значит на 125 страницах, и некоторые из замечаний историка весьма многословные, особенно те, где автор подвергает критике «политические интересы торгово-спекулятивных элементов буржуазии» и политику «установления самого необузданного деспотизма» в результате государственного переворота, «не оправдывавшегося никакой серьезной внутренней или внешней опасностью». Постраничные примечания историка коснулись тех мест, которые связаны с содержанием конституционных и других законодательных актов Французской республики, с тем, как они отразились в политической жизни Директории (с. 33–36, 41, 44–47), особенно же вследствие брюмерского переворота и учреждения Консульства (с. 51–53, 59–60, 70, 73–75, 77, 82), установление которого трактуется Тарле как «победа крупной буржуазии над ремесленным пролетариатом, той плебейской стихией». Но для историка ясно, что с 1789 г. во Франции произошло столько переворотов, что к 1799 г. французское общество давно уже испытывало

⁴⁷ [Тарле Е. В.]. От редактора // История XIX века. М., 1938. С. 3–30. См. ту же статью, опубликованную ранее в журнале: Большевик. 1938. № 14. С. 35–62.

⁴⁸ Там же. 1938. С. 4–11.

необходимость в твердой власти, дабы положить конец революционному безначалию. Оно хотело воспользоваться установлением порядка, при котором на законодательной основе поддерживался бы принцип реально осуществляемого равенства граждан перед законом. Этому принципу с самого начала неизменно следовал Наполеон, и в этом смысле он явился завершителем Революции, установив тот порядок, который был необходим всем сословиям общества.

Рядом уточнений Тарле отмечены главы, посвященные внешней политике в эпоху Империи во Франции при Наполеоне (с. 104–195). Но в главе об Испании и Португалии Тарле почему-то обходит полным молчанием то обстоятельство, что в войне 1808–1813 гг. французская армия воевала главным образом с английской регулярной армией, а не одними только «гверильясами» (с. 206, 218, 221, 229–230). Последующие главы этого тома сопровождаются у Е. В. Тарле только хронологическими уточнениями и отсылками к другим разделам; сказанное касается глав «Гражданские установления Империи 1804–1814 гг.», «Церковь и культы в период Консульства и Империи 1800–1814 г.» и др. (с. 235–297). Глава XII «Экономика Франции 1800–1815 гг.» и то, что касается там Континентальной блокады и финансов, осталось практически без авторских комментариев (с. 397–398, 402–404, 406, 409).

Во втором томе «Истории XIX века», для которого ряд разделов был написан известными французскими историками Э. Дени, А. Рамбо, А. Уссэ и др., редакцией Е. В. Тарле отмечены всего 60 с лишним страниц, где большей частью речь идет об уточнениях в разделах по истории германских государств запада и юга Германии, а также и Пруссии, и Российской империи начала XIX в., но в немногих случаях, касающихся и российского «присутствия» в Дунайских княжествах, где текст сопровождается примечанием насчет «распускавшихся в изобилии клеветнических слухах» (с. 209–210); примечание Тарле коснулось упоминания о факте передвижения пяти дивизий русской армии с турецкого театра к границам Великого герцогства Варшавского: «Наполеон сам усиленно раздувал эти слухи (совершенно ложные), чтобы иметь предлог для обширных военных приготовлений» (с. 248). На самом деле передвижение войск с турецкого театра к западным границам России имело место, и соответствующая документация в Военно-ученом архиве это целиком подтверждает (приказы военного министра от 24, 27 и 29 октября 1811 г.). Удивление вызывает уверенность Тарле в том, что слухи оказывались «совершенно ложными»: неужели ему осталось неизвестным, что эти документы были выявлены и опубликованы еще в начале XX в.⁴⁹

Тарле обращает внимание и на трактовку известной ноты князя А. Б. Куракина, которую дипломату так и не удалось вручить по назна-

⁴⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отдел 1-й. СПб., 1904. Т. V. С. 268–270, 302–304, 313–315.

чению, но она имела серьезный резонанс, сказавшись на франко-российских отношениях: «французская буржуазная историческая наука с давних пор называет вслед за самим Наполеоном «ультиматумом» предложение России, чтобы Наполеон выполнил наконец свое обязательство, данное в Тильзите в 1807 г., увести войска из Пруссии» (с. 250). Странно, ведь вывод оккупационных войск по статье Тильзитского мира был обусловлен выплатой Пруссией контрибуции 1806 г., а на октябрь 1811 г. она не была полностью выплачена, поэтому вывод войск из прусских крепостей и не состоялся, в том числе и после «ультиматума».

Но Тарле обратил внимание и на то, как в «Истории XIX века» освещается деятельность московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина в связи с пожаром столицы, а именно то, что там высказывалась полная уверенность насчет его связей с поджигателями. В своем примечании Тарле утверждает, что «до сих пор не выяснено, кто были эти люди, пошедшие на явное самопожертвование, которых автор (А. Рамбо) честит негодьями», и в заключении полагает: «едва ли Ростопчин был с ними связан» (с. 267), что опять-таки вызывает недоумение: неужели Тарле остались неизвестными записки Н.Ф. Нарышкиной, дочери генерала от инфантерии и генерал-губернатора Москвы? Впервые они вышли на языке оригинала в 1912 г.⁵⁰ и со времени издания оставались доступными исследователям эпохи. Недавно изданные по-русски, записки подробно освещают пожар Москвы и участие в нем графа Ростопчина⁵¹. В главе о пожаре Нарышкина подробно пишет о том, как ее отец организовал его с участием подчиненных ему полицейских, многие из которых названы в записках поименно. Казалось бы, записки Нарышкиной ставят точку в проблеме «Кто виноват?», но, тем не менее, она, вероятно, еще долго будет занимать умы российских историков. В библиографии же ко второму тому «Истории XIX века» воспоминания Нарышкиной все-таки упоминаются и на той же странице, что и книга Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», но это никак не отразилось на содержании авторского комментария.

Последующие тома «Истории XIX века», содержание которых по тематике своей часто весьма отдаленно касается всего того, что могло интересовать Е.В. Тарле как историка, также содержат авторские примечания, и в целом издание корпуса «Истории XIX века» знаменовало собою успех добросовестно проделанной масштабной работы, причем успех достигался в ряде случаев своего рода балансом оценок достижений «французской буржуазной исторической науки» и дополнений к отдельным бегло изложенным нарративам, а также рядом к месту внесенных исправлений, благодаря которым удавалось в целом сохранить без перемен полезный исторический «контекст» издания.

⁵⁰ *Narichkine N.* 1812. Le comte Rostopchine et son temps, par Madame Narichkine née comtesse Rostopchine. St. Pétersbourg, 1912.

⁵¹ *Нарышкина Н.Ф.* 1812 год, граф Ф.В. Ростопчин и его время. СПб., 2016.

Через год, в 1938 г., выходит в свет вторая книга Тарле о Наполеоне⁵². Издание этой книги тогда может представляться не случайным, ибо, возможно, приурочено было к 125-летнему юбилею войны 1812 г. Данных на этот счет нет, но тем не менее это могло подразумеваться вследствие высказанных мнений влиявшими на издательскую политику лицами, а с ними и издательствами. Говоря об этой книге, Б.С. Каганович пишет о ней, как о «ярко и живо написанном очерке войны 1812 г., рассчитанном на широкую публику». Если расчет на юбилейную дату и присутствовал, то он оказался вполне оправданным, и отклики в «широкой печати» были единодушно положительными.

Серьезные же рецензенты, к примеру, А.В. Предтеченский, отметили явно недостаточное внимание автора к предыстории войны, в частности, на то, как складывались отношения двух держав до Тильзита и были ли до начала переговоров попытки прийти к соглашению, исходя из реальной обоюдной пользы. Недостаточным было внимание Тарле, по мнению Предтеченского, и к переговорам вокруг Тильзитского мира, который «по существу был перемирием, вслед за которым неизбежна была новая война», и «оба союзника превосходно об этом знали»⁵³. Откуда последнее стало известным Предтеченскому, автору этой статьи остается неизвестным; вероятно, это могло складываться из предположения, но касаться только Александра I, а не Наполеона. Последний же биограф Тарле, говоря о «Нашествии», делает при этом существенное и вполне справедливое уточнение: война «рассматривается им (Тарле – *С.И.*) совершенно отдельно от предшествующих антинаполеоновских войн, в которых принимала участие Россия»⁵⁴. Уточним здесь как существенный факт, что Тарле рассматривает войну 1812 г. отдельно и от антифранцузских, т.е. контрреволюционных войн эпохи Великой французской революции. Заметим попутно: уточнение представляется тем более важным, что на самом деле и сама война после восстановления весной 1812 г. в полной мере российско-британских отношений вкупе с отношениями союзными также может рассматриваться и как реальный шаг к созданию очередной антинаполеоновской коалиции. Вследствие же переговоров Александра I со шведским наследным принцем Ж.-Б. Бернадотом в Або и достигнутых там договоренностей по российско-шведскому договору от 6 апреля 1812 г., российские войска в Финляндии могли использоваться для защиты Санкт-Петербурга. Там же шли и переговоры о десанте шведских войск, который мог высадиться в Курляндии и использоваться с тем, чтобы нанести французской армии удар во фланг. Достижением этих договоренностей Швеция существенно помогла России в 1812 г., хотя по-настоящему вступила в войну против Франции только в 1813 г. Что касается Вели-

⁵² Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938.

⁵³ Историк-марксист. 1938. № 6. С. 180 и далее.

⁵⁴ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле... С. 204.

британии, то в 1812 г. та оказывала помощь России поставками оружия, но еще и тем, что регулярными войсками вела войну в Испании.

Помимо этого, подчеркнем, что в книге Е. В. Тарле остался вне какого бы то ни было рассмотрения польский вопрос в связи с войной 1812 г., а он, как представляется, должен был быть непременно рассмотрен как один из существенно связанных с российско-французскими отношениями.

Возвращаясь к рецензии А. В. Предтеченского, упомянем, что в ней обращается особое внимание на то, что «в 1812 г. никакого идиллического слияния всех классов в одну братскую семью не было и быть не могло»; между тем по изложению новой книги Тарле такое впечатление вольно или невольно не раз возникало. Но, по мнению рецензента, высказанные им замечания «не колеблют общего представления о книге Е. В. Тарле как о замечательном произведении советской исторической литературы»⁵⁵.

Были и другие примечания и указания, к реализации которых Тарле должен был приступить при переиздании «Нашествия» уже в 1943 г. Исправления при подготовке рукописи нового издания коснулись и тех мест, на которые автору, скорее всего, было указано как на весьма нежелательные. Именно поэтому, редактируя первое издание своей книги, Тарле должен был снять не одну страницу, где он откровенно писал о стихии войны на русской земле в 1812 г., о грабежах коренного населения со стороны русских войск, в особенности казаков, перед тем как отступить под натиском противника. Эти и другие сюжеты были почерпнуты историком из мемуарных источников, опубликованных на страницах российских исторических журналов в середине XIX – начале XX вв. и включенных автором в общее повествование книги. Сюда же относятся и суждения о самом факте отступления российских армий от границ и далее, о соединении наконец армий М. Б. Баркляя де Толли и П. И. Багратиона, о последовавшем отступлении до Москвы и о коллизиях, связанных с выбором и назначением главнокомандующего.

От издания к изданию Е. В. Тарле вносил отдельные уточнения, дописывал отдельные абзацы, переставлял местами акценты, поправлял и так правленную стилистику; от издания к изданию это спасало, но ненадолго. Заметим, что все это имело отношение главным образом не к Наполеону, а к М. И. Кутузову, его руководству войсками, само собою разумеется, к генеральному сражению с оценкой значения «моральной» победы в контексте Отечественной войны и к остальным сражениям.

Так же как и книгу о Наполеоне, «Нашествие» от издания к изданию не обошла вниманием и «позднейшая критика». В критических статьях множилось указание «о необходимости расширить круг первоисточников с систематическим привлечением отечественного документального

⁵⁵ Историк-марксист. 1938. № 6. С. 181.

материала, дать анализ глубоких стратегических расчетов М.И. Кутузова перед Бородинской битвой, иначе проанализировать и самую битву, изучить и раскрыть подготовку и проведение в жизнь контраступления»⁵⁶. Обо всем этом в предисловии «От редактора» тома собрания сочинений Тарле подробно писала академик М.В. Нечкина, снабдив абзац своего предисловия сноской на журнал «Большевик»⁵⁷. В сноске, на приведенных ею страницах журнала, опубликована статья «От редакции журнала «Большевик», которая представляет собой ответ на письмо в редакцию журнала, написанное Е. Тарле и опубликованное на с. 71–77 того же номера журнала. Предисловие «От редактора» Нечкиной вполне отразило содержание того директивного материала, что изложен в письме «От редакции». Письмо же Тарле фактически было ответом на статью «тов. Кожухова» (Сергея Ивановича Кожухова, директора Бородинского музея, который во время Великой Отечественной войны занимался спасением экспозиции музея, а после войны был занят воссозданием и пополнением этой экспозиции). В этой статье, опубликованной в том же журнале «Большевик»⁵⁸, С.И. Кожухов поставил Тарле в вину то, что в его книге «Нашествие Наполеона на Россию» им «воспроизведены ошибочные и тенденциозные взгляды немецких, английских и французских историков и мемуаристов – Клаузевица, Бернгарди, Вильсона, Сегюра, Тьера и других, искажавших историю Отечественной войны и принижавших роль М.И. Кутузова». Поставлено Тарле в вину было и то, что историк «опирается главным образом на иностранные, зачастую сомнительные источники и игнорирует многие достоверные русские источники». Там же Кожухов указал и на то, что, «замалчивая или извращая содержание важнейших документов, Е. Тарле не осветил того главного факта, что Кутузов как стратег и тактик оказался выше Наполеона, что русская армия, предводительствуемая Кутузовым, сыграла решающую роль», что историк «видит обреченность агрессии Наполеона против России не в героической борьбе великого русского народа и полководческом искусстве Кутузова, а в обширных пространствах России и в тактике «выжженной земли». Там же подчеркивается и то, что в «Нашествии» Тарле «преувеличил потери русской армии» при Бородине и пытался «снять с Наполеона ответственность за разорение и сожжение Москвы» и т.д. и т.п. В статье Кожухова указывается и на тот факт, что целый ряд тогдашних историков, включая и профессоров М.В. Нечкину, и С.Б. Окуня, «еще не преодолел извращений, допущенных дворянско-буржуазными историками в освещении многих важнейших фактов и событий 1812 года». Статья заканчивается указанием историкам на необходимость восприятия твердой опоры

⁵⁶ Нечкина М.В. От редактора // Тарле Е.В. Сочинения. М., 1959. Т. VII. С. 9.

⁵⁷ Большевик. 1951. № 19 (октябрь). С. 77–80.

⁵⁸ Кожухов С.И. К вопросу об оценке роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года // Большевик. 1951. № 15. С. 21–35.

«на достоверные источники» и решительного преодоления «влияния буржуазной историографии».

Естественно, что такого рода актуальные статьи, появившиеся в печати в эпоху «борьбы с космополитизмом», требовали аргументированного ответа, который вместе с тем содержал бы (при желании согласиться с «отдельными положениями» критической статьи) и самокритичное обещание в будущем исправить допущенные ошибки.

Сочиняя ответ на статью Кожухова, Тарле в своем письме в журнал «Большевик» помимо сказанного избрал верную тональность, подчеркивая разного рода умалчивания, обнаруженные им у автора, а именно того, что на самом деле неоднократно освещается в книге «Нашествие Наполеона на Россию»; кроме этого, он не постеснялся подчеркнуть и авторские упреки ему в том, что при ближайшем рассмотрении в книге отсутствует. Тарле этот прием вполне удался, но академик снабдил свое письмо в редакцию «Большевика» и указаниями на то, что в то же время он уже готовил «совершенно новую книгу» из порученной ему в 1948 г. в Кремле, трехтомной монографии «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII–XX веках». Более того, Тарле уведомил редакцию о подписанном им договоре на все три книги, который был предложен ему, полагая, что при случае это может сыграть свою роль⁵⁹. Это едва ли не к вопросу об известной «гибкости» Е. В. Тарле, при том что его книги о наполеоновской эпохе в новых послевоенных условиях оказались «не ко двору», а сам он чувствовал, что на самом «верху» оказался фигурой неугодной; здесь сказалось и то, что к т. 3 «трилогии» он так и не приступил.

В этот трехтомник, особенно в его вторую часть про 1812 год, Тарле, по собственному признанию, собирался включить одни только документы из собственных изысканий в отечественных архивах. Кроме того, в особенности он собирался использовать новую отечественную историческую литературу, включая и указанное ему Кожуховым сочинение тогда еще кандидата исторических наук П. А. Жилина, автора диссертации «Контрнаступление Кутузова в 1812 году» (1948), но выразил при этом твердое мнение, что «исключать вовсе иностранные источники только потому, что они – иностранные, по-моему, прием неправильный». Он считал, что «иногда нехотя вырывающееся у врага признание русских успехов бывает особенно ценно», и это позволяет критически преодолеть «влияние буржуазной историографии». Сюда же, по высказанному убеждению Тарле, присоединяется и «необходимость в одних случаях пересмотра и признания ошибочности или недоказанности, в других – уточнения многих тезисов, уже давно вошедших в нашу литературу», он совершенно не исключил при этом «пересмотр своей старой книги»⁶⁰.

⁵⁹ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле... С. 295–296.

⁶⁰ Большевик. 1951. № 19 (октябрь). С. 73–74.

Однако на этом, в сущности говоря, «отступление» Тарле приостанавливается, за чем следовало решительное «наступление»: подробно и на многочисленных примерах из своей книги и из статьи Кожухова историк аргументировано стремится убедить читателя в том, что его оппонент «умышленно *совершенно* искажает <...> его общий взгляд на войну 1812 года» и приписывает ему совсем не то, что он хотел сказать. Остальные положения критической статьи Тарле также не оставил без пристального внимания и в каждом случае находит правильные ориентиры в ответ на несерьезные и нередко безграмотные выпады оппонента. Но за правильным выводом о том, что за статьей Кожухова мог стоять «кое-кто и повыше», следовал другой вывод: искать защиты и поддержки на этот раз ему не от кого. Поэтому Евгений Викторович вынужден был избрать отчасти привычный для себя путь беспощадной самокритики с обещанием приступить к подготовке совершенно новой книги о войне, для которой у него уже собраны материалы архивных разысканий, в дополнение к которым он собирался использовать и ранее опубликованные, но не использованные материалы.

К сказанному, кстати, следует добавить, что в журнале «Большевик» Тарле пришлось объяснять, почему в своей книге «Нашествие» он везде называет французскую армию Наполеона так, как называет: «...по-видимому, тов. Кожухову представляется, что в словах «великая армия» есть какой-то похвальный смысл». На самом же деле, по мнению историка, «это лишь давно употребляющийся, дающий по-русски в данном случае иной оттенок, традиционный перевод «la grande armée» вместо «большая» армия»⁶¹ И опять-таки, в данном случае достаточно и того, что Тарле везде употребляет указанное словосочетание как «великая армия», а не как Grande Armée (Великая армия) без кавычек, что было бы все-таки правильнее и точнее.

Обращает на себя внимание реплика Тарле о подготовке им «новой книги» о войне 1812 г., но обещанная книга по разным причинам написана так и не была, а вместо нее уже в 1952 г. появилась большая статья «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат»⁶². В этой статье Тарле признавал все свои ошибки, каковые были допущены им в книге «Нашествие Наполеона на Россию». Есть предположение, что написание этой статьи помимо прочего преследовала цель объяснить тем, кто «наверху», почему он в то же время не занимался писанием заключительного тома серии о трех нашествиях⁶³. Но отнюдь не исключено, что на самом деле Тарле написал статью о Кутузове в большей мере еще и потому, что на протяжении более тридцати лет не раз подвергался опасности,

⁶¹ Там же, С. 76.

⁶² Тарле Е. В. Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат // Вопросы истории. 1952. № 3. С. 34–82.

⁶³ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле... С. 299 и далее.

чтобы в новых условиях не обращать внимание на критику за «недооценку полководческого гения» 1812 г. и за «преуменьшение» превосходства отечественного военного искусства.

Любопытно, что уже на следующий год после выхода в свет первого издания «Нашествия» Е.В. Тарле был привлечен к написанию предисловия к готовившейся тогда многотомной публикации военных произведений Наполеона⁶⁴. К сожалению, в публикации не упомянуто о том, из какого издания были почерпнуты произведения дивизионного генерала Наполеона Бонапарта и кому принадлежал их перевод на русский язык. Рукопись была сдана в производство в конце апреля 1939 г., а подписана к печати в конце июня 1940 г. Из четырех вышел только первый том, который адресовался не только «командному и начальствующему составу Красной Армии», но и «всем советским читателям». В своем предисловии, построенном на критическом рассмотрении как чисто военных, так и политических аспектов наполеоновского наследия, книга, по мнению историка, «по богатству материалов, по яркости и глубине отдельных замечаний, по тонкости и основательности мотивировки основных военных действий постоянно будет напоминать читателю об авторе». Не ограничиваясь собственным мнением, Тарле приводит и суждение историка, не раз цитировавшегося французскими коллегами, а именно Арчибалда Филиппа лорда Розбери, высказавшегося как-то о Наполеоне, как о человеке, который «расширил до крайних пределов наше представление о том, до чего может дойти человеческий ум и человеческая энергия»⁶⁵. Сборник всех этих текстов 1796–1797, 1798–1799 гг. для времени своего издания был, разумеется, не без большой пользы в особенности для постигающих военную науку молодых офицеров, тем более что к сборнику были приложены карты. Есть основания говорить и о том, что Тарле мог в ряде случаев поправить перевод того или иного текста.

По-русски «Наполеона» Е.В. Тарле французские историки, за исключением весьма немногих, не читали; только по выходе в свет переводов этой биографии они начали читать «Наполеона». Читали ли некоторые из них, из тех, кто знал русский язык, русские издания книги – об этом решительно неизвестно, вероятно, нет. Но первое издание книги Тарле французы заметили, и в 1937 г. она впервые вышла по-французски, в переводе Шарля (Ипполита Луи) Стебе⁶⁶, который известен был как журналист, переводчик и географ, а также как сначала сочувствовавший коммунистам, затем как член Коммунистической партии Франции, арестованный и погибший под пытками в 1943 г. Были ли эти перевод и издание заказом из Москвы, до конца не ясно. В 1950 г. в Москве по-французски выпустили «своего» Наполеона в переводе маститого и плодовитого переводчика

⁶⁴ *Наполеон*. Избранные произведения. М., 1941. Т. I. С. V–VIII.

⁶⁵ Там же. С. VIII.

⁶⁶ *Tarlé E.* Napoléon, traduit de russe par Charles Steber. Paris, 1937.

Жана Шампенуа⁶⁷, который перевел не один десяток предложенных ему московским издательством книг. Перевод этой книги был подготовлен по отредактированному Е. В. Тарле изданию начала 1940-х гг. Издание любопытно тем, что в книге был помещен очерк историка «Sur l'histoire de la France napoléonienne» (р. 578–588).

Определенные оценки этой первой, оригинальной на русском языке, биографии Наполеона, как они отразились во французских рецензиях и вообще в научной печати, об этом можно узнать в книге Б. С. Кагановича, на которую мы не раз ссылались. Но содержатся они и, например, в так называемом «Aperçu bibliographique», которое размещено в приложениях к книге выдающегося французского историка Жака Годшо «Наполеон» в серии «Le Mémorial des siècles», этой антологии мемуарных текстов глазами противников Первой империи и лично Наполеона, от Меттерниха до Х. Лоу⁶⁸. В кратком библиографическом описании книга Е. В. Тарле «Наполеон» значится как *Tarlé (E.). Napoléon (traduit de russe). Paris, 1958.*

Характерно, что вслед за описанием всех помещенных в этот раздел книг составитель добавил от себя в скобках и характеристики этих книг: «Favorable» (благоприятное впечатление) или «Très hostile» (весьма неблагоприятное) или «Assez hostile» (чресчур враждебное) или «Très favorable» (весьма благоприятное). После упоминания книги Тарле «Наполеон» в перечне *Biographies* значится «Objectif» (объективное). Считаю это немалой похвалой по адресу Е. В. Тарле под пером серьезного и плодотворного французского историка в юбилейный 1969 г.

В последние же юбилейные годы наполеоновской эпохи, отмеченные французскими и европейскими коллоквиумами и конференциями под главенством Наполеоновского центра в Париже с его руководителем Тьерри Ленцем, о Тарле практически не упоминали; потому не исключено, что во второй половине XX – начале XXI в. появилось немало новых французских историков-наполеонистов, чему способствовало расширение тематики исследований вплоть до общеевропейских масштабов, вызванное появлением Европейского союза.

Возвращаясь к полезному «Aperçu bibliographique» в книге Ж. Годшо, укажем, что кроме «Наполеона» Е. В. Тарле в разделе биографий имеется также «Etudes par Pays», но в параграфе «Russie» других книг Е. В. Тарле, в первую очередь «Талейран» во французском издании 1958 г. и «Нашествие Наполеона на Россию», которая известна во Франции под названием «La Campagne de Russie», в данном перечне нет.

Отметим в связи с этим такой факт, как перевод «Нашествия» Е. В. Тарле на французский язык для парижских изданий 1941, 1950 и 1960 гг. Среди них совершенно уникально издание 1941 г., вышедшее во Франции во время немецкой оккупации, где имя переводчика, естественно, по цен-

⁶⁷ *Tarlé E. Napoléon. Moscou, 1950.*

⁶⁸ *Napoléon par J. Godechot. Paris, 1969. P. 434.*

зурным соображениям на титуле было опущено; ко времени же издания, предпринятого в 1950 г., такие соображения уже отпали и оно было указано⁶⁹. Тогда переводчиком «Нашествия» выступил Марк Львович Слоним, писатель, публицист и политический деятель, с давних пор стойкий социалист-революционер и масон.

Отметим как своего рода исключение объемную книгу французского историка, который, правда, на обложке ее обозначен как *escivain*. Я имею в виду Жана-Клода Даммама, который в 2009 г. выпустил свое сочинение «Орлы зимою. Россия 1812 г.»⁷⁰. В своей книге Даммам не раз ссылается на «Евгения Тарле», каждый раз называя его «советским историком», но уточнить его ссылки можно только обратившись к сочинению «Нашествие Наполеона на Россию» в издании 1938 г., вышедшему в переводе М.Л. Слонима на французский язык в России. Ссылки Даммама вполне доброжелательны, но ссылается он в основном не на оригинальные суждения Тарле, а на тех авторов, на которых в своей книге ссылается сам Тарле.

Вероятно, сочинения Тарле, те, которые составили прижизненную славу историка в России, что поддерживается переизданиями триады основных его «наполеоновских» сочинений – «Наполеона», «Нашествия Наполеона на Россию» и «Талейрана» – представляются в наши дни до некоторой степени анахронизмом, особенно потому, что в этих переизданиях, естественно, не отражены многочисленные труды новейших французских и европейских исследователей. Кроме того, после 1945 г. историк практически не возвращался к этим своим сочинениям, которые, оставаясь блестяще, в особенности стилистически, написанными, по своему содержанию вполне могли быть «дописанными» там, где историк в свое время не мог в полной мере выразить свое отношение к герою и эпохе. Вместо этого он предпочел заниматься трудами, нередко далекими от собственных предпочтений и интересов. О том, что Тарле «устарел», впервые в отечественной историографии упомянул в своей биографии Наполеона Н. А. Троицкий⁷¹, отдававший предпочтение неоднократно, но в меньшей степени чем «Наполеону» Тарле, переиздававшемуся «Наполеону Бонапарту» московского историка А. З. Манфреда. Возможно, в этом есть своя доля истины и исторической справедливости.

Между тем, в начале своего творческого пути, еще в 1913 г., Тарле выступил автором фундаментального труда «Континентальная блокада», оказавшего большое влияние на французскую историографию этого одного из центральных и долговременных событий, затронувших многие аспекты государственной и политической жизни Франции, а с нею и всей Европы. Тарле, один из первых российских историков в области экономи-

⁶⁹ *Tarlé E.* La campagne de Russie, 1812 / Trad. de Russe par Marc Slonim. Paris, 1950.

⁷⁰ *Dammame J.-C.* Les Aigles en hiver. Russie 1812. Paris, 2009.

⁷¹ *Троицкий Н.А.* Наполеон Великий: в 2 т. М., 2020. Т. 1. С. 26.

ческой стороны дела, всегда интересовался именно экономической историей Франции и Европы. Тому свидетельство его первая солидная работа о предпринимательстве и его развитии во Франции в эпоху Старого Порядка⁷². Новая работа историка явилась итогом его предметных разысканий в ряде европейских архивов и вышла из печати, когда еще не утихла дискуссия, вызвавшая появление большой статьи Тарле «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталой страной?»⁷³.

Если оценивать значение монографии Тарле о Континентальной блокаде и последующих трудов историка в контексте взаимного интереса и взаимовлияния двух историографий, то очевидным окажется, что «Континентальной блокаде», в отличие от прочих трудов историка, суждена была долгая жизнь. Не дожидаясь выхода в свет всего тома, Тарле опубликовал в виде отдельной статьи одну из его глав, а именно «Экономические отношения Франции и России при Наполеоне I»⁷⁴. Интересу с французской стороны, безусловно, способствовало впоследствии издание в собственном переводе опять-таки в виде статьи главы о воззрениях Наполеона в экономико-хозяйственной и торговой областях в тогдашнем ведущем журнале по наполеоновской истории⁷⁵. Французская историография в специальных трудах, связанных с экономикой, всегда учитывала те или иные приоритеты исследовательской работы Тарле и продолжает ссылаться на этот капитальный труд, особенно в том, что касается того, как отразилось российско-французское взаимодействие в экономической сфере в эпоху союза двух стран, точнее, с 1808 г. и закончившуюся к началу 1811 г. В это непродолжительное время Александр I лишь номинально продолжал оставаться союзником Наполеона, а значит, формально поддерживавшим Континентальную блокаду, но фактически он был занят тем, чтобы скрыть факты своего активного неучастия в мерах по экономической изоляции Великобритании и принуждения ее к миру на обоюдных условиях союзников.

Между тем Тарле был склонен считать, что «Континентальная блокада разоряла русскую торговлю. Более того, разоряла и потребителей в России французских товаров»⁷⁶. Таким образом, Тарле считал тогдашнее взаимодействие Наполеона и Александра I, начавшееся в эпоху Тильзита, вредоносным по своим последствиям для России. Он не поддерживал ранее высказанных мнений таких историков, как М. И. Туган-Барановский, или М. Н. Покровский, или А. К. Военский, или А. В. Предтеченский,

⁷² *Tarlé E. V. ... L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'Ancien régime / Par E. Tarlé. Paris, 1910.*

⁷³ Современный мир. 1910. № 5. С. 3–29. Переизд.: *Тарле Е. В. Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 441–468.*

⁷⁴ Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 11. С. 54–93.

⁷⁵ *Tarlé E. V. Napoléon et les intérêts économiques de la France // Revue des études napoléoniennes. 1926. N 2. P. 117–137.*

⁷⁶ *Тарле Е. В. Сочинения. Т. 3. С. 350.*

но любопытно и то, что Тарле если и расходился с ними в суждениях, то уклонялся от полемики с ними.

Интересно, что он продолжал так считать в то время, как его ученик М.Ф. Злотников, автор монографии «Континентальная блокада в России», следуя на первых порах за Тарле, в своем исследовании о влиянии блокады на ситуацию в России приходил к прямо противоположным выводам. По его представлениям, сформировавшимся на протяжении многих лет плодотворной работы в архивах, изучая источники, относившиеся к влиянию Континентальной блокады на российской почве, блокада оказала положительное воздействие на российское предпринимательство, дав «сильный толчок к развитию всех отраслей промышленности России»⁷⁷. Любопытно, что Тарле не возражал против этого и даже поддерживал мнение своего ученика, но, так сказать, печатно не вносил коррективы в главу своей книги, где речь идет о Континентальной блокаде в России.

Что же касается современной французской историографии, то для нее «Наполеон» и остальные труды Тарле по истории Консульства и Первой империи не представляют такого существенного значения, как для российской исторической науки. И историографически, и источниковедчески они давно уже представляют определенную ценность разве что только для истории исторической науки, тем, в частности, что позволяют проследить как менялись акценты в сложившейся направленности исторических сочинений Тарле. Другое дело его труды по истории экономических отношений между Францией и Россией в эпоху Консульства и Империи, тем более что в свое время, в начале 1920-х гг., когда Тарле был творчески более свободен, чем позднее, частично они были изданы за рубежом по-французски и по-немецки.

Известный французский историограф, профессор новейшей истории Авиньонского университета Натали Петито в своем последнем труде «Наполеон, от мифологии к истории», вышедшем уже в двух изданиях, несколько раз упоминает Е.В. Тарле и его «Наполеона» в переводе Ш. Стебе, считая историка представителем марксистской историографии, а его труды написанными в духе этой историографии⁷⁸. Отдельные ее суждения не лишены интереса. Так, в одном месте она полагает, что с первой страницы своей книги, изданной в 1936 г., Тарле представляет Наполеона как «одно из самых необычайных явлений в мировой истории», но упрекает его за ликвидацию Революции, установление режима политической реакции и в защите крупной буржуазии». И далее: «он пишет о нем как о человеке своего времени, проникнутом идеями Революции, чье возвышение обусловлено его нечеловеческой работоспособностью и гениальностью организатора»⁷⁹. Профессор указывает, что, «по словам

⁷⁷ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 71.

⁷⁸ *Petiteau N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire.* Paris, 2004.

⁷⁹ *Ibidem.* P. 167–168.

Тарле, английское правительство было вынуждено нарушить Амьенский мир, поскольку буржуазия и земельная аристократия страны осознали, что война проиграна в пользу Франции, но при этом последняя также имела амбиции по расширению своей колониальной империи»⁸⁰. Также г-жа Петито дает понять, что «обладая совершенно иным политическим восприятием, Евгений Тарле рассматривает войны Империи как эпизод в борьбе французского буржуазного государства против старой абсолютистской и феодальной системы, в борьбе, которая, кроме того, в его глазах носила, по сути, экономический характер»⁸¹. Не покидая эту тему, автор указывает, что Тарле анализирует франко-английское соперничество в свете антагонизма между двумя «империализмами» в период наступления капиталистической эры: эта бесконечная наполеоновская война высветила соперничество между Францией, недавно вступившей на путь капиталистического промышленного развития, и Англией, которая, продвинувшись в этой области гораздо ранее, уже достигла несравненно более высоких результатов»⁸². Помимо всего прочего, Петито обращает внимание на «признание» Е. В. Тарле того факта, что «Наполеон воспринимался в Европе как «Робеспьер на коне» и наследник Революции, ненавидящий крепостное право и феодальные привилегии везде, куда ни проникали его армии», тем самым, как пишет она, Тарле оспаривает мнение французского историка и политика Пьера Ланфре, автора «Истории Наполеона» в 5 томах, который критиковал Наполеона как угнетателя народных масс»⁸³.

Но авиньонский профессор по разным поводам упоминает в своей книге только «Наполеона», то, как у Тарле отразились те или моменты биографии Первого Консула и Императора. Между тем помимо биографии Наполеона в разное время историк выступал и как автор статей о Наполеоне и экономических интересах Франции в «*Revue des études napoléoniennes*», и автором таких известных во Франции сочинений Тарле, изданных по-французски, как «*La Campagne de Russie*», «*Talleyrand*» и историко-экономических трудов. Так что остается выразить сожаление, что суждение ее обо всем том, что вышло из-под пера маститого историка, выглядит далеко не полным и отнюдь не объективным.

Книга о Наполеоне Е. В. Тарле была первой биографией императора французов на русском языке. Она весьма и весьма отлична от вышедшей впоследствии монографии А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт», которая, на мой взгляд, во многих отношениях лучше, особенно с содержательной точки зрения, где историк обратил внимание читателей на ряд новых важных фактов мемуарного характера и лучшим образом очертил штрихи биографии Наполеона. Манфреду лучшим образом удалось показать

⁸⁰ *Petiteau N.* Napoléon, de la mythologie à l'histoire. P. 143.

⁸¹ *Ibidem.* P. 244.

⁸² *Ibidem.* P. 249–250.

⁸³ *Ibidem.* P. 278.

формирование личности Наполеона, дать более полное представление о перевороте 18 брюмера, об участии Наполеона в создании Кодекса законов, по праву получившего название «Кодекса Наполеона», а также об эпохе расцвета Империи и франко-российских отношениях – от идеи союза, возникшей у Наполеона, до ее осуществления. Читать монографию Манфреда интереснее вместе со ссылками на источники и литературу.

В целом, полагаю, очевидно, что обе эти биографии – неравноценные труды в первую очередь потому, что обе были написаны в весьма и весьма разных условиях, особенно непростых для Тарле; ведь историку постоянно приходилось, что называется, оглядываться, задаваясь вопросом, не придется ли ему в который раз оправдываться, и, повинувшись «внутреннему» или реальному цензору, «снимать» отдельные «куски» и даже нарративы из своего «Наполеона», но в большей степени из других своих сочинений, показавшиеся кому-то негодными, и заменять те или иные эпитеты или же фразы иными подходившими к месту словами. Обращение к различным изданиям «Наполеона» Е. В. Тарле и терпеливый просмотр содержания их глав позволяет сделать вывод о том, что, начиная с 1939 г., не только в ближайшем последствии, но в особенности в 1949–1952 гг. историку приходилось заниматься этой нередко тягостной для него работой, откладывая в сторону и расставаясь с задуманными проектами.

Вслед за автором последней биографии академика Е. В. Тарле в заключение можно сказать, что «Наполеон» Тарле несомненно был частью образовательного багажа и едва ли не частью «культурной памяти» нескольких поколений в России. С этих позиций и надо оценивать книгу Тарле «Наполеон», которую предпочтительнее всего следует читать если не в первом издании (1936), то в первом, следующим за ним, – пропуская все то, что с первых слов мешает полезному восприятию ее содержания, и обращая особенное внимание на то, каким искренним языком и стилистически возвышенно написаны многие страницы целого ряда глав. Это обстоятельство позволяет отнести «Наполеона» Е. В. Тарле к тем историческим сочинениям, которые, несмотря ни на что, остаются «памятниками исторической мысли» своей эпохи, т.е. новейшей истории России, откуда поколениями вплоть до недавнего времени заинтересованные читатели, почувствовавшие вкус чтения, продолжают цитировать поразившие их места в той или иной главе книги, перечитывая еще и еще раз блестящую историческую прозу умного и тонкого биографа великого человека, жизнь которого не перестает удивлять мир.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена времени и обстоятельствам, побудившим историка, в будущем академика, Е. В. Тарле помимо исследований в области социально-экономической истории обратиться к биографическому жанру истории Франции и Европы конца XVIII – начала XIX вв. В статье раскрываются подробности возникновения интереса к биографии известно-

го дипломата наполеоновской эпохи Ш.-М. де Талейрана-Перигора при подготовке первого научного издания его мемуаров на русском языке. Затем в серии «Жизнь замечательных людей» историк опубликовал книгу о Талейране (1939), считающуюся одной из лучших биографий дипломата и политика. Помимо этого, статья посвящена подробностям написания Е. В. Тарле одного из главных и лучших его сочинений «Наполеон», которое он также подготовил для серии «ЖЗЛ» и опубликовал в 1936 г. В статье также рассматривается участие Тарле в переизданиях «Наполеона», а также в проектах, интересовавших историка тем, что они так или иначе были связаны с привлекавшей его внимание эпохой Первой Империи Франции. В статье также идет речь об отношении французских специалистов к книгам Тарле и о переводах его книг.

SUMMARY

The article “E. V. Tarle, his “Napoleon” and the rest of Napoleonic” is dedicated to the time and circumstances that prompted the historian, future academician, E. V. Tarle, in addition to research in the field of socio-economic history, to turn to the biographical genre of the history of France and Europe in the late 18th – early 19th centuries. The article reveals the details of the emergence of interest in the biography of the famous diplomat of the Napoleonic era Ch.-M. de Talleyrand-Périgord through the preparation of the scientific edition of his memoirs in Russian. After this, in the series “Lives of Remarkable People” in 1939, the historian published a book about Talleyrand, which is considered one of the best biographies of this diplomat. In addition, the article is devoted to the details of the writing of one of E. V. Tarle’s main and best works, “Napoleon,” which he also prepared for the series “LRP” and published in 1936. The article also examines Tarle’s participation in new editions of “Napoleon”, as well as in the projects that interested the historian because they were all, in one way or another, connected with the era of the First Empire in France, which attracted his attention. The article also tells about the attitude of French experts to Tarle’s books and the translations of his books into French.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Наполеон, Консульство, Империя, франко-российское противостояние и война 1807 г., Тильзитский мир и франко-российский союз 1807–1812 гг., противостояние и война 1812 г., Талейран, российская историография начала – середины XX в.

KEYWORDS

Napoléon, Consulate, Empire, the Franco-Russian confrontation and the war of 1807, the Peace of Tilsit and the Franco-Russian alliance of 1807–1812, the confrontation and the war of 1812, Talleyrand, Russian historiography of the early to mid of 20th century.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

История XIX века / Под ред. проф. Лависса и Рамбо. Пер. с фр. 2-е доп. и исправ. издание под ред. проф. Е.В. Тарле. М.: ОГИЗ. Гос. Соц.-экон. изд-во. 1938. [Istorija XIX veka / Pod red. prof. Lavissa i Rambo. Per. s fr. 2-e dop. i isprav. izdanje pod red. prof. E. V. Tarle. M.: OGIZ. Gos. Soc.-jekon. izd-vo. 1938.].

История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. М.: ОГИЗ. 1941. Т. 1 [Istorija diplomatii / Pod red. V.P. Potemkina. M.: OGIZ. 1941. T. 1].

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб.: Изд-во «Дм. Буланин». 1995 [Kaganovich B.S. Evgenij Viktorovich Tarle i peterburgskaja shkola istorikov. SPb: Izd-vo «Dm. Bulanin». 1995].

Каганович Б.С. Е.В. Тарле: Новые разыскания // Русская наука в биографических очерках. СПб.: «Дм. Буланин». 2003 [Kaganovich B.S. E. V. Tarle: Novye razyskanija // Russkaja nauka v biograficheskikh ocherkah. SPb.: «Dm. Bulanin». 2003].

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: «Мысль». 1971 [Manfred A.Z. Napoleon Bonapart. M.: «Mysl'». 1971].

Нарышкина Н.Ф. 1812 год, граф Ф.В. Ростопчин и его время / Пер. с фр. Д. Соловьева под ред. С. Искюля. СПб.: ИД «Петрополис», 2016 [Naryshkina N.F. 1812 god, graf F. V. Rostopchin i ego vremja / Per. s fr. D. Solov'eva pod red. S. Iskjulja. SPb.: ID «Petropolis», 2016].

Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отдел 1-й. СПб., 1904. Т. V [Otechestvennaja vojna 1812 goda. Materialy Voenno-uchenogo arhiva Glavnogo shtaba. Otdel 1-j. SPb., 1904. T. V].

Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация / Пер. с фр. С.А. и Л.А. Фейгиных. Ред. Е. Тарле. М.; Л.: Academia. 1934 [Talejran. Memuary. Staryj rezhim. Velikaja revoljucija. Imperija. Restavracija / Per. s fr. S.A. i L.A. Fejginyh. Red. E. Tarle. M.; L.: Academia. 1934].

Тарле Е.В. Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат // Вопросы истории. 1952. № 3. С. 34–82 [Tarle E. V. Mihail Illarionovich Kutuzov – polkovodec i diplomat // Voprosy istorii. 1952. № 3. S. 34–82].

Тарле Е.В. Наполеон. М.: ЖЗЛ. Журнально-газетное объединение. 1936 [Tarle E. V. Napoleon. M.: LRP. Jurnal'no-gazetnoe ob'edinenie. 1936].

Тарле Е.В. Наполеон. М.: ОГИЗ-Госполитиздат. 1941 [Tarle E. V. Napoleon. M.: OGIZ-Gospolitizdat. 1941].

Тарле Е.В. Наполеон. М.: ОГИЗ. 1942 [Tarle E. V. Napoleon. M.: OGIZ. 1942].

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Соцэкгиз. 1938 [Tarle E. V. Nashestvie Napoleona na Rossiju. 1812 god. M.: Socjkgiz. 1938].

Тарле Е.В. Сочинения / Ред. А.С. Иерусалимский. М.: Изд. Академии наук СССР. 1958. Т. III [Tarle E. V. Sochinenija / Red. A. S. Ierusalimskij. M.: Izd. Akademii nauk SSSR. 1958. T. III].

Тарле Е.В. Сочинения / Ред. akad. М.В. Нечкина. М.: Изд. Академии наук СССР. 1959. Т. VII [Tarle E. V. Sochinenija / Red. akad. M. V. Nechkina. M.: Izd. Akademii nauk SSSR. 1959. T. VII].

Тарле Е.В. Талейран. М.: «Молодая гвардия». 1939. (ЖЗЛ) [Tarle E. V. Talejran. M.: «Molodaja gvardija». 1939. (LRP)].

Троицкий Н.А. Наполеон Великий: в 2 т. / Н.А. Троицкий [подг. к публ., вступ. ст. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова]. М.: Политическая энциклопедия. 2020. Т. 1

[Troickij N.A. Napoleon Velikij: v 2 t. / N.A. Troickij [podg. k publ., vstup. st. M. V. Kovaleva, Ju. G. Stepanova]. M.: Politicheskaja jenciklopedija. 2020. T. 1].

Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 37–54 [*Chapkevich E.I.* Stranicy biografii akademika E. V. Tarle // Novaja i novejšaja istorija. 1990. № 4. S. 37–54].

Dammame J.-C. Les Aigles en hiver. Russie 1812. Paris: Plon. 2009.

Dard E. Napoléon et Talleyrand. Paris: Hachette. 1935.

Driault E. Napoléon et Europe: Le grand Empire (1809–1812). Paris: F. Arcan. 1924.

Driault E. Napoléon et Europe: Tilsitt, France et Russie sous le Premier Empire, la question de Pologne (1806–1809). Paris: F. Arcan. 1917.

Houssaye H. La Première Restauration. Le retour de l'île d'Elbe. Les Cent jours. Waterloo. La seconde abdication. La terreur blanche. Paris: Perrin. 1895–1905.

Kircheyen F. Napoleon I, sein Leben und seine Zeit. Mit Abbildungen, Faksimilien, Karten und Plänen. München Leipzig: G. Müller. 1911–1934. Bd. 1–9.

Lacour-Gayet G. Talleyrand. Paris: Payot edition, 1930–1934. T. 1–4.

Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris: Hachette. 1937–1954. Vol. 1–16.

Madelin L. Napoléon. Paris: Hachette, 1935.

Narbonne L.-M. de. Séjour à Moscou // *Villemain A.-F.* Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. Paris: Didier. 1854.

Narichkine N. 1812. Le comte Rostopchine et son temps, par Madame Narichkine née comtesse Rostopchine. St. Pétersbourg: Société Golicke et A. Willborg, 1912.

Petiteau N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire. Paris: Edition du Seuil. 2004.

Tarlé E. Talleyrand. Moscou: Edition en langues étrangères. 1958.